Евгения Головня- Дмитрий Медведев, полковник милиции в отставке. 2015.

Е.Г. Дмитрий Николаевич, ваша книга «Записки старого мента» – результат вашей профессиональной работы?

Д.М. Это результат 36-летней работы, в основном, в уголовном розыске. То, что было, как говорят, выстрадано, вот там написано. Писалось с целью ознакомить, как это в народе говорят, «молодняк» с тем, как жили, как работали, как нужно работать. Своего рода попытка поделиться своим опытом с молодыми. И не только с работниками милиции или теперь полиции, а и просто гражданами. Чтобы граждане тоже перенимали для себя какой-то юридический опыт, как нужно поступать в тех или иных случаях.

Е.Г. 36 лет – колоссальный срок. Можно ли разделить его на периоды? Какой период был наиболее благоприятным ?

Д.М. Ну, первые уроки я получал, работая в Подольске. В Подольском горотделе милиции. Первые мои учителя были руководители этого горотдела. Я о них с уважением и с любовью вспоминаю в этой книжке. А потом другой пласт опыта был уже, когда работал в транспортной милиции. И вершина - когда я пришел в Министерство внутренних дел в Главное управление уголовного розыска. Там я проработал в общей сложности 12 лет и потом еще пять в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью. И опыта было, как говорится, предостаточно.

Е.Г. Я вот даже не столько об опыте, а столько о том, что страна-то менялась. И вот условия для работы, когда были более комфортными для вашей работы?

Д.М. Условия более комфортными были до до 91-го года. После 91-го года, после известных событий, в которых тоже пришлось принимать определенное участие, и до ухода на пенсию в 96-м году, я бы не сказал, что было комфортно. Причем я говорю не только о себе, а об обстановке в органах правопорядка. Потому что очень многое поменялось. И, к сожалению, многое поменялось в сторону негатива.

Е.Г. Появилось слово «мафия», что, в общем, начались какие-то разборки и так далее. Как вы это восприняли в тот период?

Д.М. Воспринял нормально, потому что я был участником, во-первых, тех событий. Мне пришлось возглавить отдел по борьбе с лидерами преступных группировок. Не всегда приходилось соглашаться и с политикой борьбы, которая осуществлялась. Но приходилось и с зарубежными коллегами работать. Мы работали с коллегами из Финляндии, из Венгрии и даже из Соединенных Штатов. Поэтому опыта было где набраться. И некоторые проблемы мы решали. Решали, причем во взаимодействии с иностранными коллегами гораздо быстрее и радикальнее, чем у себя в России. По одной простой причине: существует такой термин в криминалистике – эксцесс исполнителя. Так вот у нас, к сожалению, этот эксцесс исполнителя слишком развит был, и процветает сейчас. В чем он заключается? Когда от тебя требуют вполне законно одного, но твое руководство воспринимает это несколько иначе, и в конечном итоге получается с точностью до наоборот от требуемого, со всеми бедами от этого происходящими.

Е.Г. Вы тесно работали в контакте с журналистами. Тогда журналисты и сегодня журналисты – вот они помогали или мешали?

Д.М. Не знаю, может, мне везло , но мне журналисты в основном помогали. Потом у меня в друзьях были такие журналисты как Юрий Щекочихин. Сейчас очень много журналистов из числа телевизионщиков, которые глубоко изучают проблемы, и с их подачей не какая-то чушь экрана льется, как бывает, к сожалению, и очень часто. А действительно они проводят глубокие исследования. Поэтому я сказал бы так, что в основном нам журналисты помогают. Если они только не выполняют какие-то, мягко выражаясь, «специальные заказы».

Е.Г. Дмитрий Николаевич, а вот скажите, Щекочихин – литературно одаренный человек. У каждого журналиста есть некая ну, поэтизация событий, да? И вот это не могло вам мешать?

Д.М. Нет, мне это не мешало по одной простой причине, потому что у Щекочихина было направление борьбы с преступностью несовершеннолетних. Он в основном занимался этим. Хотя у него были и по другим проблемам статьи. В частности, по организованной преступности. Я

должен сказать, что вот его статья «Лев прыгнул» о Гурове Александре Ивановиче послужила толчком для принятия организационных решений в МВД. Вот, поэтому это никак нельзя квалифицировать иначе, чем помощь.

Е.Г. Некая поэтизация героев у него же была?

Д.М. У него поэтизации не было.. Потому что он прежде всего старался выявить социальные причины тех процессов, с которыми он сталкивался и с которыми мы сталкивались. И по результатам его изучения кое-кому досталось по первое число. Я вот в сборнике рассказов своих упоминаю об истории, которая произошла на Горьковском отделении Московской железной дороги, где была банда подростков, причем натуральная банда. Но остановили их только тогда, когда они убили человека. И там один эпизод был такой, что лидер этой банды хвастался окружающим подросткам, что они убили человека. И когда ему не верили, он ни много ни мало повел их в лесопосадку, в основном девчонок, взял за волосы с землей присыпанный труп и поднял голову. Говорит: «Не верите? Вот, пожалуйста». По результатам этого разбирательства было наказано 43 сотрудника милиции: и руководители, и рядовые, и работники детских комнат милиции, и инспектора по делам несовершеннолетних. То есть разборка серьезная произошла. И польза явно была после публикации его очерка, который так назывался «Чисто сердечное признание». С орфографическими ошибками, потому что этот главарь так написал свое первое объяснение. Он чисто сердечно признался в том, что он натворил. Поэтому реакция была очень острая, представители партийных органов в Московской области на нас гневно обиделись. Как это так? Значит, задет в статье Обком Московской партии и так далее. Но, во всяком случае, выводы были сделаны очень решительные. И многим досталось по заслугам, бездельникам, я бы сказал.

Е.Г. Вы человек очень выдержанный, владеющий собой. Насколько я знаю, Щекочихин был - страстная натура. Как вы уживались вместе?

Д.М. Уживались мы замечательно. Мы дружили практически четверть века. Он докапывался до истины, допрашивая меня. И такое было: «Нет, а вот ты мне уточни, вот почему так, а ты как считаешь?». И так далее. Кстати, я считаю, что Щекочихин был образцом журналиста, ведущего расследование. Именно образцом был. Он меня познакомил со многими журналистами, в частности, с Андреем Константиновым, еще с ребятами, которые тоже в этом поле работали. Я до сих пор вспоминаю его с чувством благодарности.

Е.Г. Что-то осталось «за кадром» книги?

Д.М. Очень много. И именно из профессиональных соображений я это не мог осветить. Сейчас у нас болтовни столько идет и в книгах, и в газетах, и в журналах, и втелевищоре. Выдаются методы работы , о которых не стоит болтать просто так, мягко выражаясь. А написать-то много можно. Но сейчас ведь слушаешь специфические, как говорится, выражения: там наружка, прослушка, агентура и так далее и тому подобное. Вот тут недавно «Дело Крапивных» смотрел по телевизору. Смешно даже, там показывается, как работает якобы прокуратура. Но прокуратура никогда так не работала. Не работает и работать так не будет. Потому что там показана оперативная работа практически сотрудников милиции. Но ведущую роль в этой работе ведет якобы прокуратура. Ну, понимаете я считаю так, что надо показывать заслуги тех, кто действительно их имеет, а не фантазии высасывать из пальца. О ком бы то ни было, о какой бы профессии разговор не шел. Потому что у нас, к сожалению, если раньше в фильмах таких как «Дело 306», «Дело Румянцева», в титрах можно было прочитать, что консультант – Игорь Иванович Карпец. Или консультант Борис Тихонович Шумилин. Или еще кто-то из действительно мастеров милицейской работы, мастеров сыска. То сейчас, вы обратите внимание, продюсеры есть, все остальные есть, кто имеют отношение к созданию фильма. Но нигде я не вижу ни одного консультанта. Поэтому, может, я грубо выражусь так. Но я должен сказать, что бездарь киношная получается. Понимаете, в чем дело? Люди не могут для себя образец создать какое-то подобие сотрудника милиции или полиции, следователя, прокурора того же. Я, кстати, с прокуратурой очень дружно работал. И эта дружная работа приносила свои плоды. Потому что как раз сила правоохранительных органов во взаимодействии. А сейчас все чаще и чаще появляются на телевизионном экране образцы какой-то междоусобицы. Прокуратура воюет со следственным комитетом, следственный комитет воюет с МВД. Такие факты есть, конечно. Но это неправильно. Надо показывать, кстати, образцы того, когда люди нормально взаимодействуют, нормально борются с преступностью. Тем более таких примеров полно. Но их почему-то не замечают. Я никогда не стремился героизировать подонков различных, типа Япончика, Хасана и других. Об этом кстати, в предисловии к моей книжке Александр Иванович Гуров пишет. Но сейчас-то ведь везде процветают именно такие герои. «Ай-яй, какой он крутой! Он на всех плюет! Правоохранительные органы для него ничего не значат». Вот лесник там какой-то появляется, так тот вообще в бараний рог скручивает и коррупционеров, и бандитов и всех. Да не знаю я ни одного такого лесника, и

в практике моей ни разу не попадался. Ни лесник, ни другой какой-нибудь деятель великий вроде того же следователя прокуратуры Крапивина . Хотя я прекрасно знаю и прокуроров, и следователей, которые великолепно образованы, профессионально подготовлены и ведут борьбу ой-ой-ой еще как. Но о них почему-то никто не слышит и не знает.

Е.Г. Может быть, неудобный вопрос немножко, но не хотите – не отвечайте. Если это так, то с вашей точки зрения, почему ваше поколение не может прийти и изменить эту ситуацию?

Д.М. Это очень хороший вопрос, именно поэтому я на него отвечу все-таки. И тогда бездельников хватало. И мы с ними боролись, с этими бездельниками. Я долго пребывал в титуле начальника отделения милиции. И приходилось сталкиваться на земле, что называется, точнее на рельсах. И с недовольными людьми, и так далее, и тому подобное. И сейчас полно хороших профессионалов. Но, может я ошибаюсь, мне кажется, что их становится меньше и меньше. По одной простой причине. Вот я учился у людей старше меня, проработавших гораздо дольше в милиции, до моего прихода в нее. А сейчас я мало могу назвать фамилий людей, у которых можно поучиться. Независимо от того, в главке ли это уголовного розыска, или просто в райотделах, в окружных управлениях в Москве, в частности, и так далее. По одной простой причине. Много дебатов шло о целесообразности милицейской реформы, которая, по сути дела, свелась только к переименованию и к затрате средств на выдачу новых удостоверений, новых табличек и всего прочего нового. Вся беда в том, что в процессе этой реформы проходила аттестация так называемая. Эта аттестация, к сожалению, свелась не к укреплению профессионального ядра МВД и его подразделений на местах, а способствовала избавлению органов внутренних дел от принципиальных, толковых людей. Лизоблюды остались. Те, кто поддакивал и боялся возвражать начальству, остались. А многих профессионалов просто вымели поганой метлой под соусом этой самой аттестации. Я вот в одном из рассказов пишу, как сам попал под такого рода аттестацию. Но тогда в Московском областном УВД были более умные и более грамотные люди, чем те, которые сейчас проводили аттестацию. Поэтому я и еще там шестерка со мной ребят не попали под горячую руку. Сейчас гораздо сложнее . Во-первых, говорят, и я считаю, что не без основания говорят, о закупаемых должностях. То есть, когда должность предоставляется человеку, точнее, он назначается на определенную

должность не в силу своих профессиональных, как говорится качеств, а только потому, что он где-то кому-то что-то проплатил. Вот с этого и начинается коррупция. Кстати, мне ваш брат-журналист часто задает вопрос: что такое коррупция все-таки? Это вот когда взятки берут? Я говорю: «Взятку если берет врач – это не коррупция. Если взятку берет Домуправ там за что-то, за прописку или еще за что-то – это тоже не коррупция». Коррупция – это поражение властных структур связями с преступностью. Мне задают дополнительный вопрос: с организованной преступностью? Я говорю: «Нет, не с организованной преступностью, а просто с преступностью». Но организованная преступность не может существовать без коррупции. То есть без крышевания властными структурами преступных групп, преступных организаций. Потому что коррупция, я еще раз повторяю, это своего рода смычка между властью и преступными организациями. Вот тогда возникает уже и организованная преступность, и все прочее. Ну, почему-то об этом не очень стремятся говорить. Как же так? Ну, цепляются властные структуры, мало ли там чем Медведев болтнет, значит, да? Поэтому до тех пор, пока у нас власть не прекратит крышевать преступные группировки, до тех пор мы не перестанем говорить о коррупции. И до тех пор люди не будут довольны работой правоохранительных органов.

Е.Г. Дмитрий Николаевич, вот раньше, в детстве, допустим, мы все читали дядю Степу – это вот честность, мужественность, любовь к тому, что он делает. Есть ли вот сегодня какие-то категории, такие как честность, порядочность и любовь к людям? Их воспитывают в органах?

Д.М. Категории эти есть, и люди-носители этих категорий есть, безусловно. И воспитывать пытаются. Но вы понимаете, воспитывать человек имеет право тогда, когда он сам воспитан, и когда он представляет, что такое профессиональное мастерство, что такое оперативное мастерство и так далее. Вот у меня был замполит Манунин Виктор Николаевич. Он одевал вечером телогрейку, садился в электричку и ехал смотреть, что в электричке делается, и как работают патрули в электричке, оперативные группы и все прочее. И он подавал своим поведением и своими замечаниями потом, тем, кого он видел и замечал какие-то неполадки в их работе. Короче говоря, он всецело их воспитывал. И он имел право воспитывать, потому что его знали, что замполит придет, замполит увидит, замполит заметит и научит. Сейчас я что-то таких замполитов не встречал, не видел. Хотя вроде замы по работе есть, по кадровой работе, замы по кадрам и так далее. То есть вы говорите, не могут ли старики привнести что-то теперешним работникам? Могут, да еще как. Но вот у нас советы ветеранов существуют. Чем они занимаются? У меня такое впечатление, что это некое приложение к ритуальным заведениям.

Собирают на похороны того, собирают на похороны этого и так далее и тому подобное. Но создали сейчас какой-то там общественный совет при МВД. Я не знаю, кто в него входит, но во всяком случае наш этот самый знаменитый адвокат, который туда входит, понимает в милицейской работе столько же, сколько я в китайской грамоте. Понимаете? Вот если Гуров входит в общественный совет при ГУВД Москвы – это другое дело, потому что Гуров специалист, Гуров профессионал, и он может подсказать, он может в некоторых вопросах доказать, а иногда и потребовать. А вообще советы ветеранов практически не занимаются, за редким исключением, внедрением, так сказать, профессиональных знаний. У нас есть академия. Неплохая академия. Есть выпускники, уже себя зарекомендовавшие и так далее и тому подобное. Но я не знаю, не слышал никакого отзыва добротного о работе допустим, совета ветеранов при академии. Вы правы совершенно. Ветераны очень бы многое могли доказать и подсказать.

Е.Г. Дмитрий Николаевич, скажите тоже, может, некорректный вопрос. Вот... Сегодняшние властные структуры, я имею в виду там, ваше начальство и выше, и в Госдуме. Есть ли люди адекватные по пониманию, по контактности Щекочихину, по честности?

Д.М. Есть. Я мог бы даже назвать некоторые фамилии, но я боюсь, что это станет стартом к их преследованию: «А, ты очень умный? Вот, тебя там где-то на экране увидели. Тебя кто-то там хвалит!». Беда в другом: я не понимаю процесс формирования властных структур. Вот у нас Собянин – мэр города Москвы, мэр столицы. Откуда он появился? Из Тюмени. У него министры откуда? Ну, наиболее упоминаемый Хуснуллин.Он контролирует весь строительный департамент. Ликсутов из великой Эстонии, которая терпеть не переносит Россию. Что это за принцип формирования московского правительства, извините, что после Лужкова в Москве нет нормальных, знающих Москву людей, москвичей нормальных нет? Вот тут, кстати, и журналистская позиция могла бы проявиться. Ведь сейчас все-таки материалы гораздо легче опубликовать, чем раньше, чем в щекочихинские времена.

Е.Г. А вы не считаете, извините, многие материалы каким-то образом все-таки проплачены и доходят до читателя и зрителя только то, что выгодно тем же властям?

Д.М. Да, это то, о чем я говорил. Это заказные отчасти материалы. И когда надо кого-то сместить и кого-то убрать, кто-то по каким-то причинам оказался неугодным, на него обрушивается вот такая информационная бомба. А опять-таки, журналистика должна быть принципиальной. Я не помню, чтобы Щекочихин против кого-то начал выступать только потому в печати, что кто-то ему сказал: «Юра, ну давай, это самое, дадим и подзаработаем». Он был принципиальным журналистом. Я бы сказал, даже сверхпринципиальным. Потому что я помню, его товарищи предупреждали: «Юр, ну куда ты лезешь, ну не лезь, ты ведь найдешь на свою голову приключение». Он не боялся находить на свою голову приключение, но в конце концов его нашел.

ЕГ. Вы верите в то, что его убили?

Д.М. Я просто привык оценивать те обстоятельства, в которых что-то происходит. И, извините меня, та аллергия, которая на его голову свалилась, была вызвана достаточно серьезными веществами, которые эту аллергию вызвали. Говорят же прямо, что у него было радиоактивное отравление. Ссылаются там на английскую экспертизу и так далее и тому подобное. Но сейчас даже не об этом речь. Мы можем примеры Украины сейчас привести, где сначала одного убивают журналиста, потом другого убивают журналиста, бывших депутатов Рады там расстреливают и так далее и тому подобное. То есть речь идет о том, что обеспечивать безопасность нужно пишущей братии, как это говорится. И достаточно серьезно нужно обеспечивать. Но, к сожалению, об этом же никто пока серьезно вопрос не ставит. Что мне перечислять тех, кого уже убили, начиная с Политковской, Листьева и так далее. И последние случаи брать. В этом отношении тоже нужно работать. Нужна какая-то система безопасности.

Е.Г. Получается, что страшно быть честным?

Д.М. Безусловно так. Безусловно так.

Е.Г. Как же нашим людям сегодня жить, если веры нет и страх есть?

Д.М. Надо работать так нашим правоохранительным органам, всей нашей правоохранительной системе, чтобы люди были уверены в себе. Но извините

меня, когда люди не знают, кто у них участковый в квартале. Раньше хоть разносили эти визитные карточки участковые. Бросали в почтовые ящики или заходили в квартиру и давали. Нужно начинать всю работу с земли. Я, например, начинал работу с земли. Я знал, что я могу зайти в такой-то дом или даже подойти к подъезду такого дома, поговорить там с бабушками-старушками или дедушками, которые сидят у подъезда. И они мне информацию вот так вот выдадут. Кто в доме живет, что в этом доме жуют и так далее и тому подобное. Сейчас-то этой предметной работы нет. Я вам больше хочу сказать. У нас появилась во дворе как-то машина, фургон. Стоит и стоит, стоит и стоит. Думаю: что такое? Не угнано ли откуда? Без номерных знаков. Я звонил в свой райотдел. Говорю, вот так и так. «Да, хорошо, мы сообщим участковому, он на вас выйдет». Дней пять стояла эта машина после моего звонка. Ни участковый на меня не вышел, никто вообще не вышел. Потом пришли, сели какие-то кавказцы, как мне соседи говорят, и уехали. Вот и все.

Е.Г. Если бы было здоровье, силы, пошли бы вы сейчас, сегодня работать?

Д.М. Ну, мне сейчас, на 76-м году жизни трудно на этот вопрос ответить. Консультантом бы пошел, подсказать куда-то пошел бы уже. А бегать, как раньше бегал, я уже просто не смогу.

Е.Г. Вписались бы вы в сегодняшнюю структуру?

Д.М. Это сложно сказать по одной простой причине. Потому что у меня были такие руководители, каких модно только поделать, и были возможности с этими руководителями объясняться в «любви» в кавычках, как говорится. А сейчас, ну что? Я приду, он говорит: «Слушай, дед, а ты кто такой? Мало ли, где ты там, когда, кем командовал и какие там ты преступления раскрывал. Мы тут сами с усами и знаем, что делать». Вот в чем дело. В этом отношении если бы был Совет ветеранов мог говорить о повышении профессионального мастерства – это другое дело. Потому что зачастую те, кто в Совете ветеранов знают тех, кто пришел им на смену. Они могут подсказать . Есть хорошие, толковые руководители, и работники рядовые есть хорошие. Но так вот, общаясь с подобными себе старичками, приходишь к выводу что, к сожалению, мелеет, мелеет все это.

Е.Г.Вы презентуете совершенно замечательную книгу. В рамках работы Фонда памяти Юры?

Д.М. Да, да. Я делаю это именно в рамках фонда Юрия по одной простой причине. Я надеюсь, что это будет хоть какой-то капелькой, помощью в

развитии журналистских расследований. Может быть, работа Фонда поможет молодым журналистам. Хотя, и зрелые могут переориентироваться.